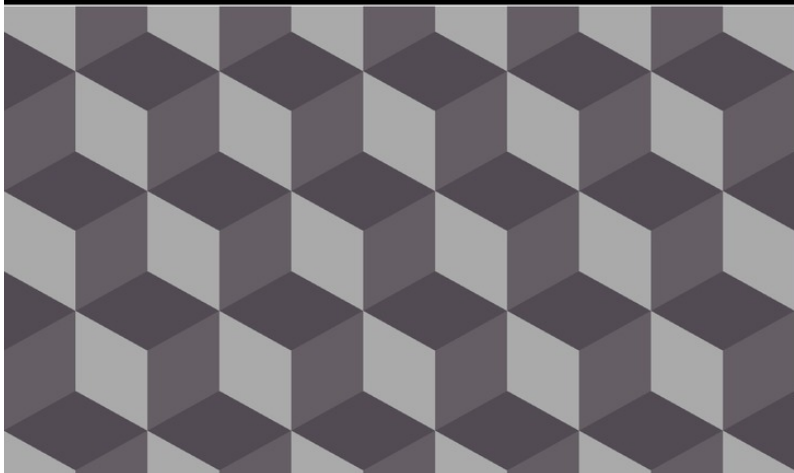

Сергей Осипов

*Аппиева
дорога*

Повесть-эссе

Сергей Осипов

Аппиева дорога. Повесть-эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21161651

ISBN 9785448317422

Аннотация

Историко-философская повесть-эссе «Аппиева дорога» погружает читателя в причудливую полутьму загадочных событий накануне падения Римской республики. Реконструкция малоизвестных фактов, предшествовавших этому переломному времени, оснащена изложением этико-интеллектуальных воззрений той эпохи, не потерявших актуальность и в наши «просвещённые» дни.

Содержание

1	7
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Аппиева дорога

Повесть-эссе

Сергей Осипов

© Сергей Осипов, 2016

ISBN 978-5-4483-1742-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В основу положены действительные события января 52 года до н.э., происходившие в Римской республике накануне её падения. Поэтому автор считает необходимым представить список реальных исторических лиц, упоминаемых в тексте, а также лиц, не известных Истории, что не мешает им, однако, быть реальными. Длительные размышления и логика событий убедили меня в существовании Сцепия Тронция, Федора, Гудрунхен и ещё двух-трёх персонажей, имена которых приводятся ниже.

ПОПУЛЯРЫ, народная партия:

МАРИЙ, Гай (Gaius Marius), 157 – 86 гг., трибун 119 г., претор 115 г., консул 106 г., 104 – 100 гг. и 86 г.

СЕРГИЙ КАТИЛИНА, Луций (Lucius Sergius Catilina), ок.108 – 62 гг., претор 68 г., организатор заговора против сената в 63 г.

КЛОДИЙ ПУЛЬХЕР, Публий (Publius Clodius Pulcher),

93 – 52 гг., трибун 58 г., вождь плебса.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, Гай (Gaius Julius Caesar), 102/100 – 44 гг., квестор 68 г., эдил 65 г., верховный понтифик с 63 г., претор 62 г., консул 59 г., 48 г., 46 – 44 гг., проконсул Галлии в 58 – 54 гг., диктатор на 10 лет с 46 г., пожизненный диктатор с 44 г.

АНТОНИЙ, Марк (Marcus Antonius), 83 – 30 гг., начальник конницы у Цезаря, впоследствии триумвир.

ЭМИЛИЙ ЛЕПИД, Марк (Marcus Aemilius Lepidus), 83 – 13/12 гг., претор 49 г., консул 52 г. (отстранён от магистратуры в январе) и 46 г., после смерти Цезаря великий понтифик.

АННИЙ МИЛОН, Тит (Titus Annius Milo), трибун 57 года, ставленник оптиматов.

ОПТИМАТЫ, партия сената:

КОРНЕЛИЙ СУЛЛА, Луций (Lucius Cornelius Sulla), 138 – 78 гг., квестор 107 г., претор 93 г., пропретор 92 г., консул 88 г., диктатор 82 – 79 гг.

ПОМПЕЙ МАГН, Гней (Gnaeus Pompeius Magnus), 106 – 48 гг., консул 70 г., 55г. и 52г.

ПОРЦИЙ КАТОН МЛАДШИЙ, Марк (Marcus Porcius Cato Minor), 95 – 46 гг., квестор 65 г., претор 54 г., трибун 62 г.

ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН, Марк (Marcus Tullius Cicero), 106 – 43 гг., квестор 75 г., эдил 69 г., претор 66 г., консул 63 г.

ФАБИЙ МАКСИМ (Fabius Maximus), патриций. Род

Фабиев участвовал во всех исторических событиях Римской республики.

Прочие:

КЛОДИЯ, воспетая под именем Лесбии в стихах Катулла, сестра Клодия Пульхера.

СЦЕПИЙ ТРОНЦИЙ, патриций, землевладелец из Лация.

АЛЕБОРГАН, посол племени лугиев.

ГУДРУНХЕН, племянница посла, символ объединения германцев.

ФЕОДОР, грек, раб Клодия.

КРАТИЛ, клиент Милона.

КЛАВДИЙ СЛЕПОЙ, Аппий (Appius Claudius Caecus), цензор 312 г., консул 307 г. и 296 г. В год своего цензорства проложил первую римскую мощёную дорогу, названную впоследствии Аппиевой.

1

В пятый день после январских нон года консульства Помпея Магна и Марка Лепида граждане общины собрались на Форуме. Это был эпизод борьбы, разгоревшейся со времён Мария и Суллы, между теряющей могущество партией оптиматов и народным недовольством, искусно подогреваемым честолюбивой молодёжью из патрицианских родов. Решался вопрос: заключать ли мир и союз с германским племенем лугиев, чтобы набрать вспомогательные войска для дальнейшего ведения войны в Галлии, или отпустить посла без мира, вынуждая Цезаря вернуться в Рим без триумфа.

Дело оптиматов оказывалось под угрозой. Пока удачливых честолюбцев хватало, можно было маневрировать, натравливая одного на другого, но теперь их число стремительно сокращалось, а могущество остающихся ещё более стремительно росло. Настал день, когда демократия, выражавшаяся в отсутствии чьей-либо определённой власти, могла сохраняться только благодаря скованности Цезаря, ведшего трудную войну в Галлии, и благодушию Помпея, отдыхающего в Риме от войн. Первые явные успехи Северных легионов разбили бы зыбкую идиллию республиканцев. Ещё раньше под предлогом расширения военной экспансии Цезарь требовал у сената денег для набора вспомогательных войск. Теперь союз с полувраждебными германцами был бы для

него неожиданной удачей, слишком крупной, чтобы не вызвать у сената тревогу.

Не менее беспокойно складывались дела в Городе. Римская беднота и приведённые Помпеем с Востока ветераны надеялись только на перемены. С тех пор как трибуну Клодию Пульхеру удалось ограничить власть цензоров и даже добиться изгнания лидеров оптиматов Катона и Туллия, римский плебс, этот «колосс без головы», обрёл, наконец, голову. И хотя партия сената сумела, играя на честолюбии Милона – другого народного вождя, нейтрализовать успехи популяров, равновесие было непрочным.

Пять лет на улицах города шли кровопролитные бои. В этих столкновениях народ сам сдерживал своё недовольство. Однако, как хорошо понимали сенаторы, политическая игра не в силах прятать правду до бесконечности. Любое голосование, даже по незначительному поводу, могло подорвать популярность Милона. И тогда Клодий стал бы неустойчивым.

В описываемый день комиции на Форуме затрагивали глубины жизни государства – решалась его судьба. Гудение собравшейся под открытым небом толпы сплеталось из отдельных выкриков, восклицаний, угроз и жалоб людей, каждый из которых имел всего лишь один голос, всего лишь один сжатый в кулаке камешек, и его предстояло бросить в урну «ЗА» или «ПРОТИВ». Что значит «ЗА», и что значит «ПРОТИВ» объясняли ораторы, придавая однознач-

ные юридические формулировки противоречивым чаяниям многих и многих людей. Народ не слышал, да и не слушал выступавших, ибо для большинства «ЗА» и «ПРОТИВ» означало: за или против Клодия.

– Тише, тише. Пульхер на возвышении. Что он говорит?

– Не важно. Главное, нас он не оставит, своего добьётся.

– Он всегда своего добивается, наш Клодий.

– Верно! Кто прогнал мерзкого законника Туллия?

– Клодий!

– Кто убрал на Крит брюзгу Катона?

– Наш красавчик!

– Кто наставил рога самому Цезарю?

– Ерунда! Цезарь мечтал избавиться от Помпеи.

– Но в суде он сказал, что ничего не знает...

– Да здравствует Цезарь!

– Кто плохо говорит о Цезаре? Кто...

– Успокойся, никто не трогает Цезаря. Все знают: Клодий и Цезарь – друзья. Куда Цезарь – туда и Клодий, куда Клодий – туда и Це...

– Друг у друга девчонок отбивают, по одним шатаются тавернам.

– Здорово сказано!

– ...и сейчас, что говорил Клодий? Заключить союз с Аленборганом. Зачем? Чтобы Цезарю набрать дополнительные когорты из германцев.

– Слава Помпею! Долой Цезаря! Пусть гниёт в галльских

болотах. Помпей Великий несёт нам роскошь и изобилие. Он даст Риму золотой век.

– Заткнись! Помпей перестал быть воином. Он спит. Что сделал он после Митридата?

– Слушайте, слушайте! Сейчас объявят, добился ли Клодий своего.

Громовой рёв восторга одних, смешанный с негодованием других, прокатился над Форумом, когда объявили, что в результате вольных комиций победило предложение трибуна Клодия: заключить союз с германцами, но на переговоры поедет Милон.

– Долой Милона! Эввива Клодий! – неслось со всех сторон площади.

Огромный господин в сенаторской тоге прежде, чем скрыться в прохладе паланкина, кивнул стоящему рядом молодому человеку:

– Похоже, это Туллий, хитрая лиса, добился такого двусмысленного решения.

– Да... – в досаде юноша поджал губы, – Милон договорится скорее с весталкой в храме, чем с Алеборганом, – вдруг оживился: – Ого, смотри скорее, кажется, громят курию.

На возвышении для ораторов вновь появился Клодий. Медленным движением подняв и раскинув, словно для объятия Форума, руки со свободно свисающими складками широкой тоги, он заставил народ успокоиться и замолчать.

Мгновенность такого перехода воспринималась как чудо. В наступившей тишине все услышали одно только слово, последний звук которого потонул в сладострастном рёве побеждённой нескрываемой лестью толпы:

– Квириты!

2

Поздним вечером в просторной комнате дома на Палатине разговаривали двое. Хозяин, худой и длинный, с лицом бледным, как восковые изображения его же собственных предков в атриуме, и гость, недавно переступивший черту «акме», черноволосый, густобровый, загорелый. Наливая вино в кубки, хозяин продолжал:

– ...своего мы добились – едет Милон, надо поддержать его достаточно сильной свитой. Пусть возьмёт головорезов с Субурры – от Клодия можно всего ожидать.

Помолчав немного, гость возразил:

– Вряд ли Пульхер помешает нам чем-нибудь сейчас. Однако Милону и без того трудно. Толпа требует союза с германцами, и, как ни тупы милоновы дружки, они поймут, если он будет действовать, вернее, бездействовать, слишком явно. В лучшем случае переговоры затянутся до весны.

– Этого и достаточно. Не позднее марта мы проведём в сенате закон о снятии проконсульских полномочий с Цезаря. Ну... а Помпей сильно увлёкся греческим, и мы не станем препятствовать развитию его литературных пристрастий.

Собеседники переглянулись довольные, словно знатоки игры латрункули, оценившие удачный ход. Пламя факелов дёргало и рвало темноту триклиния. Говоривший последним приподнял чашу:

– Твоё здоровье, Марк Туллий. Ты весьма кстати вернулся... Ха-ах, хорошее вино. Признайся, там, в изгнании ты, верно, и забыл вкус фалернского?

– Нет, Фабий. К счастью, проконсул снабжал меня всем необходимым... Мм... Вино твоё действительно прекрасно,...и ты знаешь, там я чувствовал себя меньше изгнанником, чем в Городе. Здесь все меня ненавидят, народ зовёт «мерзким законником», хорошие люди – выскочкой. Прямо не пойму, кому обязан переменной места.

– Ну... разве ты не знаешь: Город не любит тех, кто в нём, и обожает отсутствующих. Особенно удачливых полководцев. Вот почему Цезарь тем опаснее, чем он дальше.

Лицо Цицерона дёрнулось, словно от боли:

– Безумцы! Почему они не могут понять, если дать Цезарю сделать, что он хочет, наша гражданская община расползётся, как старое рубище странствующего философа-грека. Чем им не нравится тога? Её ткань прочна, в ней свободно движениям, она одинаково защитит от зноя и непогоды...

– Она не всем по плечу, Марк. Опять-таки у неё нет карманов, а жить на одно красноречие, оставив торговлю плебейам, могут позволить себе немногие. Слово Рима всё с большим трудом переходит в дело. Восток пал под натиском наших легионов, рассыпался в прах, но именно этот прах, а не хрупкие деспотии, является его истинной структурой. Наше оружие не изменило его, а обнажило, сделав явным то, что скрывалось – господство случайного и произвол.

И именно в этом, истинном своём виде, Восток стал врагом идеи Города. Наша сила теряется в его многоликости, обнаруживает раскол в самой себе. Я не удивлюсь, если через десять лет мы увидим на берегах Тибра царицу не как пленницу, а с многочисленной свитой, поражающей наших зевак роскошью. Я не удивлюсь, если ещё через полста лет произвол безумца будет править Городом, закрывая собрания плащом страха, загоня Слово в ущелье шёпота.

– Не дай Бог дожить до таких дней, Фабий. Хотя ты и из рода Медлителя, не будешь медлить, пока безумие одного и трусость других погасят свободное пламя слова. Ведь в этом пламени – свет, свет далёкого смысла, намекающий на выход из нашей темницы, и в луче которого мы так недолго и бестолково кружимся.

Фабий медленно растянул серые губы в улыбку:

– Марк, вчера на рынке я купил интересный свиток. Перейдём в библиотеку, я тебе его покажу, тем более, что твои слова заставили о нём вспомнить.

Когда друзья, покинув триклиний, поднимались по сводчатой галерее открытой лестницы на террасу, где в специальном помещении Фабий держал манускрипты, внимание их привлекла стройная рабыня с упругой высокой грудью, которую она, обнажённую подставляла лунным лучам. Цицерон в недоумении вскинул сросшиеся над переносицей брови.

– Это Урсула. Мне её привезли из Германии. Не удивляйся, Марк, у них сегодня какой—то праздник. Кроме того,

германские девушки верят, что от лунного света кожа становится матовой. Ну, вот мы и пришли, – Фабий открыл дверь, пропуская гостя.

Помещение правильной кубической формы было залито колеблющимся светом масляных ламп. Только в круглое отверстие в потолке вливалось чёрное небо, усыпанное мириадами звёзд. Было прохладно. По бокам, на возвышениях вдоль стен, лежали многочисленные таблички, стояли ларцы из дорогого дерева. Фабий открыл один из них и вытащил свёрнутый папирус, поднёс к глазам Цицерона жёлтое полотно, испещрённое греческими каракулями:

«Представьте себе пещеру и людей в ней, сидящих спиной к выходу так, что отблески дневного света они видят на глухой стене перед собою. Пусть кто-то пронесит мимо входа в пещеру силуэты животных, людей, растений, чтобы тени от этих силуэтов были видны сидящим напротив стены. Не будут ли они думать, что то, что видят и есть реальность, единственно существующее? Если вывести такого человека на свет, то глаза его заслезятся, и он будет закрывать их руками в поисках тьмы».

Порыв ветра покачнул пламя в зале. Цицерон поднял глаза на Фабия, потом ещё выше – к звёздам. Оторвавшись взглядом от них, вновь стал всматриваться в буквы на папирусе. Их было не меньше, чем звёзд. Зелёные лучи достигали букв, царапали по папирусу, старались сплестись с чёрной, завязанной в узелки нитью строки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.